

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА ГАЙТО ГАЗДАНОВА»

(К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)

19—20 декабря 2013 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) состоялась Международная научная конференция «Проблемы изучения творчества Гайто Газданова (К 110-летию со дня рождения писателя)». На ней собрались специалисты по творчеству этого замечательного представителя младшего поколения первой русской эмиграции и литературе русского зарубежья в целом. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Лондона, Вены и Санкт-Петербурга.

Большая часть докладов была посвящена творческому наследию самого Гайто Газданова. В нескольких других шла речь о творчестве писателей-младоэмигрантов, так или иначе связанных с Газдановым.

В докладе Е. Н. Проскуриной (Новосибирск) «Сюжетика смерти в метаромане Газданова» ее основой был признан библейский сюжет о Каине и Авеле. По мнению исследовательницы, вариативные модуляции этого сюжета характерны для всего цикла романов. Трагическое чувство, растворенное в ху-

дожественном мире Газданова, основывается на авторской убежденности в том, что история мира началась «в тот день, когда Каин убил своего брата». Этот библейский мотив братоубийства становится смыслообразующим для всего метароманного сюжета Газданова, объясняя обилие реальных и потенциальных смертей в его произведениях, которые объединяются в сверхсюжет *жизнь под знаком смерти*.

В докладе Т. Н. Красавченко (Москва) «Гайто Газданов как писатель культурного пограничья» рассматривались главные компоненты художественного сознания Газданова, позволяющие говорить об особом цивилизационно-культурном пограничном модуле его творчества: культурно-этнический (осетинский) субстрат; порожденная прежде всего личным опытом писателя экзистенциальная культурфилософия; традиции русской классической и западной литературы, этико-философское воздействие масонства; тяга к буддизму; влияние французского языка и др. В целом творчество Газданова, по мнению исследовательницы, являет собой феномен культурного пограничья, основанный не на симбиозе, а на эстетическом *синтезе* разноплановых цивилизационно-культурных пластов, порождающем новую прозу и определяющем уникальный голос писателя.

Т. В. Марченко (Москва) в докладе «Locus amoenus? Locus terribilis! Париж Гайто Газданова» показала, что в газдановском «Вечере у Клэр» понимание того, какой из описываемых топосов (русский прошлого или парижский настоящего) является «раем», а какой — «пеклом», оказывается амбивалентным: locus amoenus просвечивает сквозь locus terribilis. В «Истории одного путешествия» первое начало решительно берет верх над вторым. При этом в «Ночных дорогах» мифопоэтический Париж Газданова — это «апокалиптический лабиринт», в начале которого жизнь, а в конце — смерть, прихотливо сплетаемые повествователем. Впрочем, отсутствие locus amoenus в описываемой действительности ожидаемо компенсируется locus amoenus в воспоминаниях героев.

М. А. Васильева (Москва) в докладе «„Только блеск и стекло...“ (Поэтика недоговоренности в романе Г. Газданова «История одного путешествия»)» обратилась к одному из самых «недопонятых» эмигрантской литературной критикой романов писателя. Так, например, тонкий литературовед Петр Визилли считал, что все содержание произведения «сводится к мечте о „красивой жизни“». Между тем, с точки зрения Васильевой, писатель осознанно завуалировал в «Истории одного путешествия» сложную этико-онтологическую проблематику, глубинно связанную с традициями романной прозы русской классики, в том числе с традициями Ф. М. Достоевского.

На материале литературного наследия Газданова (художественные и публицистические тексты, критика, письма) Ю. В. Матвеева (Екатеринбург) рассматривала сложное отношение писателя к советской России, ее идеологии, политике и культуре. Исследовательница выделила три периода в развитии и видоизменении этого отношения: 1) 1920—1930-е годы, когда еще была допустима мысль о возвращении; 2) Вторая мировая война и послевоенные годы — время человеческого сближения с советскими людьми, а потом вторичного самоопределения относительно советской политики; 3) период работы писателя на радиостанции «Свобода».

В докладе Марии Рубинс (Лондон) «Призрак „Степного волка“: Г. Газданов и Г. Гессе» на примере параллельного прочтения романа Гайто Газданова «Призрак Александра Вольфа» и романа Германа Гессе «Степной волк» обсуждалась значимость для Газданова основных эстетических, философских и экзистенциальных проблем, разрабатываемых новой европейской литературой, и его принадлежность к транснациональному эстетическому тренду 1920—1930-х годов.

В докладе П. В. Кузнецова (Санкт-Петербург) «Экзистенциальная философия и литература: Париж 1930-х гг. (Гайто Газданов, Георгий Иванов и Генри Миллер)» было предложено различать экзистенциалистский и экзистенциальный роман. Кроме того, докладчик противопоставил Газданова как «моралиста» и «экзистенциалиста» и Миллера как «имморалиста» и «антиэкзистенциалиста». Он также остановился на вопросе о том, как категории экзистенциализма, — заброшенность, страх, тоска, тревога, забота, смерть, — преломляются в романах Газданова, Иванова и Миллера.

Доклад А. С. Александрова и Э. К. Александровой (Санкт-Петербург) «„Блоковское“ в художественном пространстве романа «Вечер у Клэр»» был посвящен истории отклика-мистификации на стихотворение А. Блока «Ты так светла, как снег невинный...» (1909). Была выдвинута версия о том, что настающий автор «письма в редакцию», подписанного профессором Дьяконовым, который предлагал «100 рублей за перевод на общепонятный язык» символистских стихов Блока, — критик, журналист А. А. Измайлов. Интертекстуальным отголоском этих событий стал «музыкальный» эпизод романа Гайто Газданова «Вечер у Клэр» (1929), в котором Борис Белов обещает «крупную сумму» за доказательство реальности поэтических метафор романа «Тишина». Докладчики выдвинули предположение, что в шутке Белова пародируется не только рецепция современниками блоковского стихотворения, но и в целом откровенное или наигранное непонимание модернистской поэзии в литературной среде 1900-х годов, настороженно и по большей части отрицательно относившейся к символистским новациям.

С. А. Кибальник (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Роман Гайто Газданова „Полет” как гипертекст русского классического романа XIX века». Это произведение рассматривалось им как гипертекст, в частности, такого типа романа, в центре которого лежит любовная и семейная драма героя-рационалиста (отчасти «Анна Каренина», «Обломов» и прежде всего «Обыкновенная история», своего рода метароман Гончарова). Тернарная, а не бинарная, как ее принято рассматривать, и вдобавок осложненная двойниками сюжетно-образная структура «Обыкновенной истории» в «Полеге» подвергнута еще большему усложнению и сознательной трансформации. Интертекстуальная и повествовательная стратегии Газданова направлены главным образом на реабилитацию деятельного метагероя, который в реальности оказывается мнимым рационалистом. Переживший «апофеоз беспочвенности» писатель XX века, преодолевая некоторый схематизм художественного мышления русских классиков XIX века, стремится увидеть подлинное многообразие и неуловимость реальности, меняющейся в зависимости от оптики восприятия и не сводимой ни к каким жестким обобщениям.

В докладе Ю. Д. Нечипоренко (Москва) «Высшая возможность бытия» (по роману «Пробуждение») произведение Газданова анализировалось как программное, в котором воплощена традиционная для русской классической литературы мысль о спасительной силе любви и самоотверженности. Докладчик усматривал в нем преломление христианской идеи преображения человека.

В докладе Сюзанны Фалчари (Санкт-Петербург) на материале рассказов «Княжна Мэри» и «Панихида» рассматривались особенности святочных мотивов в малой прозе Газданова, а также святочного построения произведений писателя. Посредством сопоставления с рассказом В. В. Набокова «Рождество» был проведен сравнительный анализ мотива рождественского чуда в творчестве Газданова и Набокова.

В докладе А. М. Грачевой «К истории парижской литературной школы А. М. Ремизова» (Санкт-Петербург) было проанализиро-

вано соотношение установок учеников писателя с эстетическими принципами Газданова. Период развития данной литературной школы конца 1920-х — начала 1930-х годов был связан с пропагандой Ремизовым среди молодых писателей парадоксальной идеи: чтобы быть достойными продолжателями традиций русской литературы, надо использовать уникальную возможность аккомодации в свое творчество новейших эстетических открытий западной литературы. «Учительство» Ремизова проявлялось в поддержке ориентации молодых прозаиков на восприятие новаций французского сюрреализма, новых методов построения произведений большой формы, открытых М. Прустом и Д. Джойсом, а также в жесткой стилиевой правке произведений его учеников. В докладе рассмотрен пример работы Ремизова с прозой И. Болдырева-Шкотта и В. Диксона и сделан вывод о том, что литературная школа Ремизова имела ярко выраженные черты стилиевой манеры ее основателя, к которой Газданов не имел отношения, поскольку уже тогда обрел свое собственное, четко выраженное эстетическое кредо.

Д. В. Токарев (Санкт-Петербург) выступил с докладом «„Парижский текст” у Б. Попплавского, А. Бретона и Г. Газданова». Он анализировал особенности парижского топоса в романах Попплавского, сопоставляя их с аналогичным явлением в творчестве сюрреалиста Бретона и «магического реалиста» Газданова.

В ходе конференции состоялся круглый стол «Проблемы изучения творчества Газданова», в котором приняли участие докладчики, а также Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург), Т. О. Пономарева (Санкт-Петербург), Н. П. Беневоленская (Санкт-Петербург), Л. В. Кузнецова (Санкт-Петербург), Анастасия Горобец (Вена), К. Е. Курицева (Санкт-Петербург). На нем был обсужден вопрос о соотношении литературного и биографического в творчестве Газданова, а также проблемы «Газданов и модернизм», «Газданов и русская классика» и др.

© С. А. Кибальник